

приятные. В дневнике запись от 12 октября: «После обеда читал Достоевского. Хороши описания. Хотя какие-то шуточки, многословные и мало смешные, мешают. Разговоры же невозможны, совершенно неестественны». 14 октября он делится с окружающими своими впечатлениями: «Отвратителен. С художественной стороны хороши описания, но есть какая-то ирония не у места.¹⁸³ В разговорах же героев — это сам Достоевский говорит. Ах, нехорошо, нехорошо! Тут семинарист и игумен, Иван Карамазов тоже, тем же языком говорят. Однако меня поразило, что он высоко ценится. Эти религиозные вопросы, самые глубокие в духовной жизни — они публикой ценятся. Я строг к нему именно в том, в чем я каюсь, — в чисто художественном отношении. Но его оценили за религиозную сторону — это духовная борьба, которая сильна в Достоевском».¹⁸⁴

Хотя Толстой и не одобряет старой привычки судить о литературе с эстетической точки зрения, он не может удержаться и не сказать, что «художественное не терпит посредственности; тут нужно, чтобы это было такое, чтобы читатель перенесся в это, переживал то, что автор».¹⁸⁵

Чтение романа продолжается, но идет медленно, и двойственное отношение к нему Толстого сохраняется — недоумевает, почему так высоко ценят «нехудожественный» роман, и одновременно радуется этому факту как признаку поворота русской читающей публики к религиозным вопросам. Маковицкий записывает 18 октября: «Я спросил Л. Н., читает ли он Достоевского, и как...

Л. Н.: (о «*Братьях Карамазовых*»): Гадко. Нехудожественно, надуманно, невыдержанно... Прекрасные мысли, содержание религиозное... Странно, как он пользуется такой славой.

Душан Петрович: Слава Богу!

Л. Н.: Да, слава Богу! Видно, что религиозное содержание захватывает людей. П. П. Николаев говорит, что человека без религии нет».¹⁸⁶

Тем же утром: «В 11 ч., когда я вошел к нему, Л. Н. читал „Братьев Карамазовых“».

Л. Н.: Ох, какая чепуха, ужас! Как мальчик укусил за палец... Помните? Как Катерина Ивановна послала 200 рублей капитану, которого Митя (Карамазов) потащил за бороду».¹⁸⁷

На следующий день разговор о романе Достоевского продолжился, но протекал сумбурно и нервно. В разговоре приняли участие Софья Андреевна и Е. В. Молодцова. «Л. Н. заговорил о Достоевском: о поучениях старца Зосимы и о Великом Инквизиторе.

— Здесь очень много хорошего. Но всё это преувеличено, нет чувства меры.

Софья Андреевна: Жена Достоевского стенографировала, и он никогда ничего не переделывал.

¹⁸³ Иронию Толстой не любил. Заподозрив ее в письме Страхова, Толстой предупреждал: «В тоне вашего последнего письма есть что-то ироническое. Пожалуйста, не позволяйте этого в отношении меня, потому что я вас очень люблю» (Л. Н. Толстой и Н. Н. Страхов. Полное собрание переписки. Т. 1. С. 159). Перепугавшийся Страхов горячо разуверяет его: «Как же это можно, бесценный Лев Николаевич! Значит, я очень дурно пишу, если Вы у меня нашли что-то ироническое. Нет, я в этом не виноват» (Там же. С. 160).

¹⁸⁴ Лит. наследство. Т. 90. Кн. 4. С. 380—381. Аналогична и запись в дневнике Софьи Андреевны Толстой от того же числа: «...читает „Карамазовых“ Достоевского и говорит, что очень плохо: где описания, там хорошо, а где разговоры — очень дурно; везде говорит сам Достоевский, а не отдельные лица рассказа. Их речи не характерны» (Толстая С. А. Дневники. Т. 2. С. 216).

¹⁸⁵ Лит. наследство. Т. 90. Кн. 4. С. 381.

¹⁸⁶ Там же. С. 385.

¹⁸⁷ Там же. С. 386.